

О. Шпенглера, останавливаясь, в частности, на так называемых исторических псевдоморфозах; под этим понятием Шпенглер разумел консервирующее, мертвящее влияние старой культуры на культуру молодого народа. Альтгейм и Штиль, критикуя Шпенглера, утверждают, что творческое развитие могло иметь место наряду с «псевдоморфозом» (III, 4), и видят это творческое развитие на исходе римской цивилизации, помимо всего прочего, в формировании новых литературных жанров (III, 101—121). Но критика Шпенглера не ограничивается только этим, прямо выраженным разграничением с ним.

Одним из существенных принципов шпенглеровской философии истории было переосмысление понятия исторической одновременности, которому был придан не хронологический, а морфологический смысл: одновременными Шпенглер считал функционально (морфологически) однородные явления; Полигнот и Рембрандт, Поликлет и Бах, шире — ионическое искусство и барокко были для него одновременными. Не вступая прямо в полемику с этой идеей Шпенглера, авторы, тем не менее, рассматривают исторический процесс как единый и целостный; поэтому однородные явления выступают и как хронологически связанные. В этом отношении очень интересен очерк о так называемых «книжных религиях» (III, 419—435): становление религий нового типа, зияющих на фиксированном «откровении», происходит, по их наблюдению, почти одновременно на обширном пространстве Восточного Средиземноморья.

Богатая идеями (нередко спорными — но когда новые идеи бывают бесспорными?), рецензируемая книга основана на огромном, чрезвычайно многоязычном, разнохарактерном круге источников: греческих, латинских, арамейских, арабских, сирийских, эфиопских и многих иных. Самое понимание этих текстов подчас очень трудно. Чтобы дать представление об этих трудностях, позволю себе один пример. Надгробие Имру'улқайса из ан-Намара (к югу от Дамаска) от 328 г. Пигулевская переводит: «Это гробница Амрульқайса, сына Амра, царя арабов всех, того, что повязал диадему, покорил Асад и Низар и их царей, обратил в бегство Мазидж до сего дня, отправился поразить Неджран, город Шамира, покорил Маад, разделил сыновьям племена, предоставил Перас им и Руму. Ни один царь не достиг его высоты до сего дня. Он умер в год 223 в 7 день кислула. Да будет благополучие его потомству»¹⁰.

Перевод Альтгейма и Штиля (II, 313—317) отличается; кроме начала и конца, довольно существенно: «Он покорил оба [племени] Асад и Низар, как и их царей; он изгнал mhgw до сего дня; он возвратился, гордясь продвижением до Наджрана, города Шамира, и до царства Ма'адд. И он разделил своих (обоих?) сыновей между племенами, и он предоставил их (племена) [своим сыновьям] [на основании договора] Персии с Римом». Различие в понимании надписи, как легко видеть, ведет и к различию оценки положения Имру'улқайса . . .

Огромная предварительная работа, детальное исследование частных проблем и определили, по-видимому, тип книги, в которой вопросы датировки, уточнение смысла текста, исправление надписей занимают огромное место. Среди подобных наблюдений отмечу датировку Перипла Эритрейского моря временем около 210 г., с чем связана и датировка сочинения Курция Руфа III веком (I, 40—64; II, 257); заключение, что Александрийская библиотека не была разрушена в 391 г. (II, 23—31); отнесение деятельности аксумского царя Эзана ко времени после 450 г. (об этом речь пойдет в V томе, который пока еще не вышел).

В заключение отмечу, что к собственно византиноведческой тематике, помимо указанного, относится еще очерк И. Рехорка об авторстве и времени акафисте божьей матери (II, 514—523), создателем которого автор ориентировочно считает патриарха Сергия (начало VII в): вопрос этот весьма спорный, и при скудости исторических аллюзий акафиста он вряд ли когда-нибудь найдет убедительное решение.

А. К.

D. M. METCALF. COINAGE IN THE BALKANS.
820—1355 (Institute for Balkan Studies, № 80).
Thessaloniki, 1965, p. XIX + 286, ill.

Работа известного английского нумизмата Д. Меткалфа является первым опытом систематического обзора монетного материала, относящегося к средневековой истории Балканского полуострова. С чисто нумизматической стороны книга интересна прежде всего стремлением классифицировать монеты, относящиеся к отдельным царствованиям, определить время и место чеканки каждого типа. Так, например, Меткалф полагает, что фоллы Михаила II (820—829) могут быть разделены на три типа, происходящие из трех монетных дворов: первую из официн он локализует в Константинополе,

¹⁰ Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана . . . , стр. 23. Авторы разбирают лишь доклад Пигулевской на XXV конгрессе востоковедов в Москве. См. «Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9—16 августа 1960», т. I. М., 1962, стр. 443—449.

вторую в каком-то из малоазийских центров, третью не решается локализовать вовсе (стр. 20). Среди бронзовой чеканки Феофила (829—840) Меткалф выделяет семь групп (стр. 25 и сл.), одну из которых он связывает с деятельностью солунского монетного двора. Еще более детальной является классификация бронзовых монет типа *gex repantium*, чеканившихся на рубеже X и XI вв. (стр. 41—47)¹.

Однако значение работы Меткалфа выходит за пределы «чистой» нумизматики, принципы которой в последнее время особенно энергично отстаивал Ф. Грирсон². Меткалф стремится использовать монетные находки как источник для политической и особенно экономической истории Византии и сопредельных стран³. Разумеется, использование монеты как исторического источника наталкивается на ряд трудностей, анализу которых посвящена вводная глава рецензируемой книги. Здесь, в частности, Меткалф высказывает мысль, что количество сохранившихся монет не является прямым отражением общего количества монет, находившихся в обращении в тот или иной период истории: если монет Мануила I (1143—1180) уцелело больше, чем выпущенных Иоанном II (1118—1143), то это не означает, что их было больше в действительности; политическая обстановка в стране могла повлиять на возрастание числа кладов. Поэтому Меткалф предлагает следующий путь для исчисления количества монет в обращении. Во-первых, он считает возможным установить (с известной степенью вероятности) количество монетных серий по формуле:

$$x = \frac{y(y-1)}{2p},$$

где y — количество монет в кладе или случайном собрании, а p — количество пар монет одной серии там же (Меткалф исходит из того, что вероятность нахождения пары монет одной серии в кладе обратно пропорциональна количеству выбитых серий). Во-вторых, он предполагает, что число монет в одной серии сравнительно постоянно и колебалось между 7500 и 15 000 штук (стр. 7—9).

Думаю, что эти наблюдения при всем их остроумии нуждаются в тщательной проверке. Необходимо было показать, что расчеты, произведенные на материале разных кладов, всегда дают примерно одинаковый x . Далее, я сомневаюсь, что количество монет одной серии колебалось столь незначительно — во всяком случае, это положение должно быть аргументировано.

Помимо этого, Меткалф обращает внимание еще на два обстоятельства: во-первых, он полагает, что вид монеты отражает характер экономических отношений; во-вторых, он считает существенным различать отдельные районы Балканского полуострова по интенсивности монетного обращения (стр. 10 и сл.).

На основании нумизматических данных экономическая история Балканского полуострова представляется Меткалфу следующим образом. С середины VII до середины VIII столетия денежное обращение на Балканах пришло в упадок (стр. 18), и еще на рубеже VIII—IX вв. оно ограничивалось пределами приморских городов, главным образом, Константинополя⁴. Возрождение денежного хозяйства, начавшееся на побережье еще на рубеже IX и X в., лишь медленно захватывало внутренние области (стр. 36; ср. стр. 63). Даже в XI вв. денежное хозяйство на Балканах ограничивалось преимущественно Центральной Грецией и областью по Нижнему Дунаю (стр. 50). К концу XII в., полагает Меткалф, в обращении находилось около ста миллионов скафатных (вогнутых) монет — стамин, что в 2—5 раз превосходило число фоллов, обращавшихся в IX столетии (стр. 122). Таким образом, сложные методы Меткалфа приводят к аналогичному (хотя и лучше обоснованному) выводу, что и более простые «квантитативные» приемы — о возрастании денег в обращении на протяжении IX—XII вв. При этом Меткалф предполагает, что стамина, по своей ценности стоявшая между фоллом и солидом, была не монетой для местного рынка, но торговой монетой, использовавшейся купцами (стр. 11).

В XII в. византийская монета чеканилась на нескольких монетных дворах: в Константинополе, Никее, Трапезунде и где-то в Греции — в Коринфе или в Фивах. Монеты, выпущенные в разных официнах, отличались специальными значками (стр. 82).

¹ См. о них подробнее: *D. M. Metcalf. Bronze Coinage and City Life in Central Greece circa A. D. 1000.* — «Annual of British School at Athens», 60, 1965. О золотой и серебряной монете этого времени см. *Ph. Grierson. The Gold and Silver Coinage of Basil II.* — «The American Numismatic Society. Museum Notes», 13, 1967.

² *Ph. Grierson. Byzantine Coinage as a Source Material.* — «Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies». London, 1967, p. 317—333.

³ См. нашу заметку о двух более ранних работах Меткалфа: BB, XXVI, 1965, стр. 286 сл. Ср. еще: *D. Metcalf. The New Bronze Coinage of Theophilus and the Growth of the Balkan Themes.* — «The American Numismatic Society. Museum Notes», 10, 1962, p. 81—98.

⁴ См. об этом также: *D. M. Metcalf. How Extensive Was the Issue of Folles during the Years 775—820?* — *Byz.*, XXVII, 1967, p. 307.

Постепенно распространяется местная чеканка, особенно заметная на бронзовой монете Мануила I (стр. 113 и сл.). Весьма любопытно, что Андроник I пытался приостановить выпуск провинциальных стамин, но уже его преемники отказались от этой централизаторской политики (стр. 118). К чисто нумизматическим наблюдениям Меткалфа можно было бы присоединить свидетельство актов о хисской монете (*χιστά*), распространенной, в частности, в районе Патмоса (ММ, VI, 83.34; 88.3; 92.21).

Меткалф упоминает (стр. 92) о появлении иерархического принципа в монетной системе. Это чрезвычайно важное наблюдение: начиная с X в., в Византии появляется деление монеты на предпочтительную и на монету худшего качества; четкое соотношение между монетами разных типов исчезает.

Локальная чеканка, обслуживающая узкую округу и иерархический принцип монетной системы — признаки феодальной перестройки монетного дела в Византии.

Тенденция к децентрализации монетного обращения, к созданию «монетных регионов», наметившаяся уже в середине XII в., еще более отчетливо осуществляется в XIII столетии: Меткалф выделяет ряд таких регионов на Балканах, в том числе византийский, охватывавший Грецию, острова и (первоначально) Болгарию; сирмийский, словенский, слитский и ряд других (стр. 63—69). Децентрализация сопровождается интенсификацией монетного обращения, но еще и в XIII в. монетные находки концентрируются в крупнейших городах (как Солунь или Дубровник) или вдоль торговых путей. В XIV в. центр монетной чеканки переносится в глубь материка — в Сербию, Боснию и Болгарию.

Судьбы отдельных монетных регионов в XII—XIV вв. подробно освещены Меткалфом в последних главах: «Византийский монетный регион и его преемники», «Монетное обращение в пограничных областях северо-запада», «Адриатическое побережье как место перекрещения монетных систем», «Серебряная чеканка и рост славянских монетных систем», «Мелкая чеканка феодальной Греции», «Чеканка в восстановленной Византии и в Болгарии» и, наконец, «Империя Стефана Душана».

Разумеется, нумизматический источник имеет ограниченный характер: полная картина хозяйственного развития должна строиться с учетом археологических данных и письменных свидетельств. То и другое используется Меткалфом весьма скупно. Но это и не следует ставить в упрек профессионалу-нумизмату. Как бы то ни было, работа Меткалфа станет важным пособием для каждого исследователя экономической истории Византии и сопредельных стран.

А. К.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ДВУХ ЦЕННЫХ СПРАВОЧНИКОВ *

Каждому, кто привык работать со средневековыми рукописями, известно, как важны справочники по водяным знакам бумаги (иначе — филиграммам); именно к этим справочникам обращается в первую очередь исследователь для датировки бумажных рукописей, лишенных точной даты.

За последние 30—40 лет изучение филиграней постепенно развивается из вспомогательной для историков и филологов дисциплины в самостоятельную отрасль знания — филигранологию; выросло число справочников по водяным знакам бумаги, появилось множество статей, монографий, обзоров¹.

* 1) *Tromonin's watermark album. A facsimile of the Moscow 1844 édition. With additional materials by S. A. Klepikov. Edited, translated and adapted for publication in English by J. S. G. Simmons. Hilversum, Holland. The Paper Publications Society, 1965 (Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia or collection of works and documents illustrating the history of paper. General editor: E. J. Labarre, O. B. E., XI) (далее: Тромонин); 2) *C. M. Briquet. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier des leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. A facsimile of the 1907 edition with supplementary material contributed by a number of scholars. Ed. by Allan Stevenson. Amsterdam, the Paper Publications Society (Labarre Foundation), 1968 (далее: Брике).**

¹ См., например, превосходную библиографию важнейших работ по истории бумаги и по филиграммам, составленную Джоном Симмонсом в кн.: *C. M. Briquet. Op. cit.*, p. *37—*53. См. также некоторые обзоры, например: *C. А. Клепиков. Новые работы в области филигранологии.* — «Проблемы источниковедения», IX, М., 1961, стр. 409—432; *его же. Проблемы филигранографических публикаций.* — «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 323—330; *М. В. Кукушкина. Советская палеография.* — Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», 1. Л., 1968, стр. 73—94; *Damian P. Bogdan. Filigranologia ca disciplina stiintifica.* — «Revista arhivelor», 2. Anul X. Bucuresti, 1967, p. 3—40.

Пользуюсь случаем поблагодарить господина Джона Симмонса (Оксфорд) и профессора Д. П. Богдана (Бухарест) за предоставленную мне возможность ознакомиться с их ценными исследованиями по филигранологии.